

На правах рукописи

ДРАЧЁВА Нина Владимировна

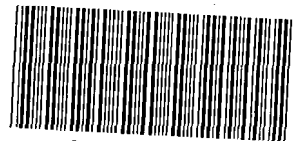
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
МАРКА ТЕРЕНЦИЯ ВАРРОНА
(на материале VIII – X книг трактата «De Lingua Latina»)

Специальность 10.02.14 –
классическая филология, византийская и новогреческая филология

6 ИЮН 2013

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва
2013

005060799

Работа выполнена на кафедре классической филологии Института восточных культур и античности Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Научный руководитель: доктор филологических наук
Гринцер Николай Павлович

Официальные оппоненты: **Солопов Алексей Иванович**
доктор филологических наук, доцент,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
заведующий кафедрой классической филологии

Малинаускене Надежда Касимовна
кандидат филологических наук, доцент,
Сретенская духовная семинария
Русской Православной церкви,
доцент кафедры древних и новых языков

Ведущая организация: Московский государственный лингвистический университет

Защита состоится «14» июня 2013 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «13» мая 2013 года.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук,

доцент

Савельева Ольга Михайловна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и обоснование темы исследования. Одним из важнейших источников лингвистической историографии, которая в последнее время переживает период активного развития, является трактат «De Lingua Latina» Марка Теренция Варрона (116 – 27 гг. до н.э.). Анализ доктрины Варрона показывает, что в некоторых вопросах его подход к изучению языковых явлений и процессов имеет сходные черты с методами современной структурной лингвистики. В этой связи трактат «De Lingua Latina» представляет научный интерес не только с точки зрения изучения античных теорий языка, но может быть полезен при рассмотрении определённых проблем, изучаемых лингвистической наукой нашего времени.

Степень научной разработанности проблемы. Современные научные исследования лингвистического наследия Варрона весьма немногочисленны. В отечественной науке данная проблематика наиболее полно отражена в трудах В.В. Каракулакова. Среди зарубежных учёных следует отметить Ж. Коллара и Д. Тэйлора, которые занимались изучением языковой теории Варрона.

Этимологическому разделу трактата «De Lingua Latina» посвящены диссертация С.Ю. Крицкой, а также работы Ф. Кавацца, Ж. Коллара, В. Пфаффеля. Обзор творческого наследия и анализ философских взглядов Варрона представлен в трудах О.В. Сидорович, И.В. Помяловского, Х. Дальманна, Ф. делла Корте, Д. Маколхэни. Исследование ряда аспектов учения Варрона и его трактата¹ содержатся в работах Н.К. Малинаускене, И.М. Тронского, В. Акса, Д. Бланка, Р. Кента, Э. Лафтона, В. Ло, Д. Фелинга.

Научная новизна темы исследования. Новизна предлагаемого исследования заключается в анализе следующих положений:

1) что для Варрона является объектом изучения, т.е., как он трактует понятие «язык»;

¹ Стиль повествования и состояние текста, проблемы аналогии и аномалии, отдельные положения языковой доктрины, соотношение взглядов Варрона с предшествующей традицией лингвистических изысканий, значение трудов Варрона для развития грамматической науки.

- 2) какое понятие Варрон выражает термином *ratio*, и какую роль это понятие играет в его доктрине;
- 3) каким образом Варрон интерпретирует понятие «слово», и почему он использует три термина для выражения данного понятия;
- 4) какое значение в функционировании языка играют выделяемые Варроном первоначала слова.

Объект исследования. Объектом данного исследования является морфологический раздел варроновского трактата (книги VIII–X), в котором излагается учение об изменении слов (*declinatio*). Выбор этого раздела объясняется несколькими причинами. Во-первых, это единственная сохранившаяся теоретическая часть, следовательно, в ней наиболее полно отражены научные взгляды автора. Из первого раздела, посвящённого этимологии, сохранилась лишь практическая часть, которая, главным образом, содержит иллюстративные примеры к теоретической части. Из синтаксического раздела не сохранилась ни одна книга. В то же время этимологические и синтаксические проблемы затрагиваются Варроном в анализируемом, морфологическом разделе. Во-вторых, взаимообусловленность языковых отношений наиболее ярко проявляется при анализе морфологических изменений.

Цели и задачи исследования. Цель данной работы заключается во всестороннем системном анализе лингвистической доктрины Варрона, что позволяет восстановить её внутреннюю логику. Такой подход ставит следующие задачи:

- 1) вычленить основные лингвистические понятия, которыми оперирует Варрон;
- 2) проанализировать терминологическое выражение этих понятий.

При решении поставленных задач возникает необходимость, с одной стороны, проследить, какие учения оказали влияние на концепцию Варрона, и какое преломление они нашли в его теории, с другой стороны, показать, в чём заключается новаторство и научная оригинальность лингвистической доктрины Варрона.

Анализ морфологического раздела трактата позволяет сделать вывод, что основополагающими понятиями учения Варрона, которые позволили ему описать закономерности развития и функционирования языка как системы, отражающей внутренние связи вещей в природе, являются:

- 1) речь: *oratio – sermo – consuetudo – (in) loquendo*;
- 2) слово: *verbum – vocabulum – vox*;
- 3) первоначала слова: *materia – figura*;
- 4) классификация частей речи: *pars quae habet casus, pars quae habet tempora, pars quae habet neutrum, pars in qua est utrumque*;
- 5) универсальный закон языка, регулирующий все языковые процессы: *ratio*;
- 6) процесс изменения слов (*declinatio*), объединяющий словообразование (*declinatio voluntaria*) и словоизменение (*declinatio naturalis*);
- 7) устойчивая структурная модель изменений слов: *formula*.

Эти понятия, рассматриваемые последовательно, дают возможность проследить ход мысли Варрона, представить его лингвистическое исследование как целостную систематизированную теорию с обоснованной аргументацией и, в конечном итоге, оценить значение его научных выводов.

Методологическая основа исследования. Данное исследование проводилось методом сравнительного анализа выделенных лингвистических понятий в диахроническом плане. Для этого привлекались источники, содержащие сведения о различных языковых теориях предшественников Варрона (Платон, Аристотель, стоики, Дионисий Фракийский и др.), а также научные работы, посвящённые этой проблематике.

Научные положения, выносимые на защиту:

- 1) в учении Варрона намечается различие между понятиями «язык» и «речь», разграничение которых окончательно оформилось в рамках современной лингвистики;
- 2) интерпретация Варроном понятия «слово» близка к современной, так как Варрон рассматривает слово как наименьшую неделимую смысловую

единицу языка в совокупности семантического, морфологического и фонетического уровней;

- 3) процесс изменения слов (*declinatio*), необходимый для построения высказывания, регулируется универсальным законом языка (*ratio*). *Ratio*, будучи воплощением вселенского логоса в языке, организует и упорядочивает язык как систему, что позволяет выстроить устойчивую модель изменений слов (*formula*).

Теоретическая и практическая ценность результатов исследования.

Результаты предлагаемой диссертационной работы могут быть использованы, с одной стороны, в исследованиях, посвящённых лингвистическим учениям античности, с другой стороны, некоторые научные положения теории Варрона актуальны и для современной лингвистики. Практическое применение данные результаты могут найти в чтении курсов «Латинский язык», «История латинского языка», «Введение в языкознание», «Сравнительно-историческое языкознание», «Общее языкознание», а также спецкурсов, посвящённых античным теориям языка.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации излагались в статьях, а также в докладе «Трактат «De Lingua Latina» Марка Теренция Варрона: структура и особенности аргументации», прочитанного на заседании межвузовского научного семинара «Современные проблемы антиковедения» (РГГУ – октябрь 2010 года).

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка литературы и приложений (№№ 1–13). Общий объём работы – 237 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

ВВЕДЕНИЕ. Введение содержит общую характеристику работы (обоснование и актуальность темы; степень научной разработанности проблематики; цели, задачи, методология и научная новизна исследования) и

представляет основополагающие понятия варроновской доктрины, а также их терминологическое выражение.

ГЛАВА 1. Проблематика изучения доктрины Варрона в контексте истории античного языкознания

Глава состоит из четырёх параграфов. *Первый параграф* содержит краткую характеристику роли дихотомии «природа – установление» и оппозиции «аналогия – аномалия» в развитии античного языкознания. *Во втором параграфе* представлен обзор состояния грамматической науки в Риме до Варрона, а также анализируются причины активного развития этой области знаний. *В третьем параграфе* рассматривается вопрос о влиянии различных философских и грамматических школ на учение Варрона. *В четвёртом параграфе* представлены выводы.

Варрон – первый римский учёный, предпринявший попытку всестороннего анализа латинского языка и сведения результатов этого анализа в единое знание. Вся предшествующая традиция лингвистических исследований складывалась на базе древнегреческого языка. Стремясь создать лингвистическое учение, отражающее реалии латинского языка, Варрон рационалистически подходит к опыту своих предшественников. Он всякий раз целенаправленно использует постулаты различных учений в качестве подтверждения своих гипотез и аргументации своих взглядов. Именно стремлением учесть результаты всех языковедческих изысканий той эпохи объясняется отмечаемый исследователями эклектизм взглядов Варрона. Однако обращение Варрона к различным учениям отнюдь не является обычной компиляцией, свидетельствующей о вторичности его доктрины, напротив, оно доказывает научную смелость и самостоятельность варроновского исследования, а также свидетельствует о тщательной работе и широчайшей эрудиции автора. Подобное соединение теорий представляется не только оправданным, но и необходимым. Поскольку Варрон представляет собственную научную концепцию, у него нет необходимости оставаться в рамках одной школы. Замыкаясь в границах одного учения, Варрон был бы

лишён возможности объективно оценить ряд языковых явлений, присущих латинскому языку. В своём исследовании он обращается к учениям пифагорейцев, атомистов, Платона, Аристотеля, стоиков, александрийцев. Синтез названных учений помогает Варрону доказать природное происхождение языка и продемонстрировать, что состояние гармонии присуще языку так же, как оно присуще всей природе. На всех уровнях своей доктрины (*anomalía – analogía; oratio – consuetudo; vocabulum – verbum; materia – figura; declinatio voluntaria – declinatio naturalis*) Варрон убедительно показывает, что рассматриваемые им понятия не являются оппозицией в чистом виде, они связаны между собой и взаимодействуют друг с другом.

ГЛАВА 2. Понятия «язык» и «речь»

Глава посвящена изучению проблемы разграничения понятий «язык» и «речь» в контексте лингвистического учения Варрона. Она состоит из пяти параграфов. *Параграфы 1–4* содержат анализ терминологических определений понятия «речь»: 1 – *oratio / lingua*; 2 – *sermo*; 3 – *consuetudo*; 4 – *(in) loquendo*. В *пятом параграфе* излагаются выводы по данному вопросу.

Понятия «язык» и «речь» окончательно оформились лишь в современной лингвистике, античное же языкознание не ставило перед собой задачу изучения языка вне его применения, поэтому целью его исследования была речь. Варрон, оставаясь в рамках предшествующей традиции, говорит об изучении речи, обозначая данное понятие несколькими терминами: *oratio, sermo, consuetudo, (in) loquendo*. Слово *lingua* встречается в трактате довольно редко и не получает терминологического статуса. Однако то обстоятельство, что Варрон, анализируя языковые явления и процессы, стремится систематизировать их и выявить присущие им закономерности, свидетельствует о его отношении к языку не как к инструменту (в отличие от своих предшественников), но как к теоретическому концепту, упорядоченной системе, которая реализуется на практике посредством речевой деятельности. Поэтому слово *lingua* в названии трактата, хотя и не приобретает функцию термина, но уже содержит в себе черты современного лингвистического понятия. Многообразие терминов для

обозначения понятия «речь» объясняется тем, что в учении Варрона намечается разграничение языка и речи как двух сторон языковой деятельности, что доказывается корреляцией некоторых положений в доктринах Варрона и Ф. де Соссюра.

Термин *oratio*, будучи наиболее отвлечённым, обладает широким спектром значений. Этот термин, употребляясь в трактате применительно к понятию «речь», обозначает ораторскую речь, т.е. речь, выстроенную согласно законам развития и функционирования языка, соблюдающую установленные нормы и правила. Поэтому неудивительно, что в доктрине Варрона именно этот термин служит для обозначения теоретической модели средства коммуникации, т.е. соответствует современному пониманию термина «язык». Данная теоретическая модель (*oratio*) функционирует посредством речевой деятельности. В процессе говорения (*in loquendo*) происходит переход из теоретической плоскости *oratio* в практическую – *sermo / consuetudo*. *Sermo* соответствует понятию «разговорная речь» в современном значении и подразделяется на различные уровни, т.е. стили речи, характерные для определённых социально-этнических групп говорящих. Это предположение подтверждается употреблением в трактате данного термина во множественном числе, а также этимологией слова *sermo*, приводимой самим Варроном: речь, которая подразумевает наличие собеседника, беседа². Другой термин – *consuetudo*, выражая так же, как *sermo*, понятие «обыденная речь», является интегрирующим по отношению к предыдущему термину. *Consuetudo* представляет собой совокупность всех уровней *sermo* и является общей, ставшей привычной для всех говорящих, речью. В пользу такой трактовки термина свидетельствует определение *communis*, часто используемое Варроном применительно к *consuetudo*. Данная разновидность речи представляет научный

² «...я считаю, 'разговорная речь' – производное от 'ряд', 'вереница', откуда и 'гирлянда'; даже в одежде – 'исправное (в хорошем состоянии)' – это то, что шито, скреплено: в самом деле, разговорная речь не может соотноситься с одним человеком, но подразумевает речь, связанную с другим [человеком]...» (*sermo, opinor, est a serie, unde serto; etiam in vestimento sartum, quod comprehensum: sermo enim non potest in uno homine esse solo, sed ubi <oratio cum altero coniuncta*) (LL. VI, 64).

интерес для Варрона, потому что она оказывает заметное влияние на развитие языка.

Таким образом, можно предполагать, что в учении Варрона зародилось осознание различий между теоретической систематизированной моделью средств коммуникации (языком) и её реальным воплощением на практике (речью) посредством акта речевой деятельности.

ГЛАВА 3. Слово как наименьшая языковая единица

Данная глава содержит анализ понятия «слово» и его терминологических обозначений. В первом параграфе рассматривается влияние атомистического учения на лингвистическую доктрину Варрона. Второй параграф посвящён изучению первоначал слова: *materia* и *figura*. В третьем параграфе рассматривается термин *forma* и его отличие от термина *figura*. В четвёртом параграфе представлены термины *verbum*, *vocabulum*, *vox* и их различия. В пятом параграфе проводится анализ термина *res* и его соотношение с терминами *materia*, *vox*, *figura*. В шестом параграфе содержатся выводы.

Представление Варрона о природном происхождении языка выявляется благодаря тем натурфилософским параллелям, которые прослеживаются в трактате, в частности параллелям с основными положениями атомистического учения. Варрон вычленяет базовый элемент языка – слово (*verbum*), которое является наименьшей неделимой смысловой частицей языка. Как всякое тело состоит из атомов, свойства которых определяют структуру и сущность данного тела, так и высказывание состоит из слов, свойства которых определяют структуру и сущность данного высказывания. Таким образом становится очевидной параллель между понятиями «тело – атом» и «высказывание – слово». Свои свойства слова приобретают в процессе *declinatio*, образуя различные формы. По мнению З.А. Покровской³, в учении Лукреция мы сталкиваемся с пониманием сложного строения атома, который

³ Покровская З.А. Античный философский эпос. Лекции по спецкурсу. М.: Изд-во МГУ, 1979. СС. 47-51; Покровская З.А. Первоначала, пустота и вселенная в философском словаре Лукреция // Вестник древней истории. М.: Академия наук СССР. № 4, 1960. СС. 93-95.

состоит из мельчайших частиц, что и послужило причиной отсутствия в труде Лукреция терминов *atomus* или *individuum*. Однако эти мельчайшие частицы не могут существовать изолировано, вне атома. Их расположение внутри атома определяет его свойства. Схожую трактовку понятия «слово» мы встречаем в учении Варрона. Процесс изменения происходит благодаря тому, что слово, являясь неделимой частицей, содержит в себе два неразрывно связанных первоначала: материю (*materia*) и форму (*figura*). Этот факт объясняет употребление Варроном для выражения понятия «неделимое» термина *indivisum* вместо общепринятого термина *individuum*. Сравнительный анализ семантики близких синонимов *individuum* – *indivisum*⁴ выявляет интересную деталь. *Individuum* трактуется как то, что не может быть разделено на части никоим образом, а именно, целостное, неразрывное. *Indivisum* же обозначает то, что не может быть разделено снаружи, удерживаемое в целостности, но оставляет возможность более мелкого деления внутри. Эта разница в значениях чрезвычайно важна для взглядов Варрона, которые в значительной степени перекликаются с пониманием «атома» Лукрецием. В теории Варрона «слово» является наименьшей смысловой единицей языка, как у Лукреция атом – первой самостоятельной единицей материи. Сама же эта смысловая единица, в свою очередь, состоит из более мелких частей (*principia – materia* и *figura*), от взаимодействия которых зависит роль слова в речи. Названные части не существуют и не могут существовать отдельно, сами по себе, они пребывают в неразрывной связи в рамках *verbum* и определяют его сущность так же, как у Лукреция от сочетания неразъединимых частиц атома зависят форма и свойства предмета. Вероятно, по этой причине Варрон не использует вошедший в философский обиход термин *individuum* (неделимое), а предлагает другой, более соответствующий сути явления, термин *indivisum* (неразделённое, неразделяемое) так же, как Лукреций использует определения *sine partibus* и *nes...secretum*. Это даёт основание говорить о сходных чертах в физическом учении Лукреция и лингвистическом учении Варрона. Следует отметить, что в

⁴ Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968-1982. P. 885.

трактовке понятий *materia* – *figura* прослеживается влияние ещё одного физического учения, а именно, стоической теории *κίνησις*, которая обозначает переход материи из одной формы в другую. Варроновские *materia* – *figura* соответствуют стоической оппозиции ὕλη – σχῆμα. Материя (*materia*) включает в себя постоянные параметры: род, вид⁵, число и неизменяющиеся звуки, непосредственно соседствующие с изменяющимися. Она всегда облечена в какую-либо форму (*figura*), которая определяется падежом (*casus*) в широком, аристотелевском понимании этого слова и окончанием данного падежа (*exitus eius*). Оформление материи в форму происходит согласно универсальному закону языка (*ratio*) под воздействием некоей причины (*causa*). В языке такой причиной является построение высказывания для выражения мысли.

Представление Варрона о слове как о минимальной целостной смысловой единице приближается к современному пониманию данного понятия. В его учении так же, как в современной лингвистике, слово рассматривается в совокупности семантического, морфологического и фонетического аспектов. В трактате употребляется три термина, выражающие данное понятие: *vocabulum*, *verbum*, *vox*. Каждый из терминов призван отобразить тот или иной аспект.

Термином *vocabulum* Варрон выражает лексико-семантическую функцию слова, его смысловое содержание, о чём свидетельствует этимология *vocabulum* (имя, способ или средство называния)⁶. Этот термин в подавляющем большинстве случаев соседствует в трактате с лексическими единицами, обозначающими процесс установления (*impositio*, *imponere*, *appellare*, *ponere*, etc), а также соотносится с начальной формой слова. Содержащаяся в варроновском *vocabulum* сема «голос», указывающая на связь данного термина с речевой деятельностью, демонстрирует, что название, полученное вещью, предназначено для отображения данной вещи в речи.

⁵ Вид (*species*) – имя должно соотноситься с именем, глагол с глаголом и т.д.

⁶ Ernout, Meillet 1939. P. 1135; Walde 1938. P. 823.

Когда речь заходит о необходимости изменения слов с целью выразить связи вещей, обозначаемых данными словами, Варрон прибегает к термину *verbum*. Этот термин в его учении служит для обозначения морфолого-синтаксических функций слова и потому употребляется преимущественно в сочетании с лексическими единицами, обозначающими процесс изменения (*declinare*). В таких случаях слово предстаёт как единица, способная образовывать различные формы для связи с другими словами с целью построения высказывания.

Названные термины тесно связаны и в нужных случаях замещают друг друга. Так, слово, рассматриваемое с точки зрения установления, Варрон обозначает термином *vocabulum*. Это же слово, анализируемое с позиций процесса изменения, он определяет термином *verbum*.

Термины *vocabulum* и *verbum* Варрон использует не только в общетеоретическом плане, но и в более узком значении, как грамматические термины, обозначающие имя нарицательное (*vocabulum*) и глагол (*verbum*). На грамматическом уровне термины образуют оппозицию, но они связаны с общетеоретическим уровнем. Так, глагол может рассматриваться как морфолого-синтаксическая единица, которая, в свою очередь, имеет начальную установленную форму (*vocabulum*). Имя представляет собой лексико-семантическую единицу, способную к изменению, в процессе которого она переходит в разряд *verbum*.

Термин *vox* обозначает фонетический аспект любой формы слова, как начальной, так и полученной в ходе изменения. Варрон обращает особое внимание на то обстоятельство, что некоторые слова, имеющие единичное звучание (*vox*), могут быть способны к изменениям. Этот феномен Варрон демонстрирует с помощью указательного местоимения *hic, haec, hoc*⁷, где оно выполняет функции отсутствующего в латинском языке артикля.

⁷ Например: *hoc mille, huius mille, huic mille* etc.

Итак, употребление трёх различных терминов призвано показать, о какой функции слова идёт речь в том или ином контексте: морфолого-синтаксическая функция – *verbum*, лексико-семантическая – *vocabulum*, фонетическая – *vox*.

Термин *res* является экстралингвистическим термином, обозначающим предметную сущность реального мира, соответствуя философскому стоическому понятию «обозначаемое».

Таким образом, вещь (*res*), находя применение в повседневной жизни, в процессе установления (*impositio*) получает имя (*vocabulum*) в соответствии со своей природой. Для отражения в речи связи вещей *vocabulum* переходит в разряд *verbum* и подвергается процессу *declinatio*. В ходе этого процесса, который управляется универсальным законом языка (*ratio*), внутри *verbum* происходит взаимодействие первоначал слова – *materia* и *figura*, в результате чего образуется морфологическая форма слова *figura verbi*. Морфологические преобразования неизбежно вызывают изменения фонетического строя. С учётом этих изменений форма слова получает название *figura vocis*. В этом понятии ярко выражены синтаксический аспект и соотносённость со звуковой стороной. Любая форма слова формируется, согласуясь с синтаксическими требованиями. Её появление обусловлено необходимостью построения предложения для выражения определённой мысли. Так как каждая мысль может быть высказана, очевидно, что полученная в ходе изменения форма слова (*figura*) потенциально предназначена для употребления в речи, т.е. для произнесения посредством голоса, отсюда и происходит определение *vocis*.

Фонетическая структура каждой получаемой в процессе изменения формы обозначается термином *vox*.

Варроновская интерпретация понятия «слово» даёт основания предположить, что *verbum* в значительной мере относится к сфере языка, а *vocabulum* и *vox* – к сфере речи.

ГЛАВА 4. Классификация частей речи

Эта глава состоит из четырёх параграфов. *Первый параграф* посвящён проводимому Варроном разделению лексики на два вида: *продуктивный* и

непродуктивный. Во втором параграфе рассматривается морфологическая классификация частей речи. Третий параграф представляет классификацию, которая базируется на синтаксическом принципе. Четвёртый параграф содержит выводы.

Варрон делит весь словарный состав языка на два класса: *genus fecundum* – продуктивный вид (т.е. слова, которые способны образовывать множество разнообразных форм) и *genus sterile* – непродуктивный вид (т.е. слова, которые не имеют изменений). Оппозиция *genus fecundum* – *genus sterile* имеет принципиальное значение для учения Варрона. Деление лексического состава языка на определённые части речи Варрон рассматривает не как цель, а как инструмент, помогающий ему выявить закономерности изменений слов и выстроить устойчивую модель этих изменений, которая бы доказывала наличие в языке аналогии. Он исключает из классификации *genus sterile*, ограничиваясь констатацией существования в языке слов по своей природе не способных к изменению и потому не требующих отнесения их к какой-либо части речи.

При классификации *genus fecundum* Варрон разделяет слова на четыре части речи. В этом вопросе он опирается на предшествующую традицию, выделяя в качестве базовых те части речи, которые обладают наиболее ярко выраженными морфологическими критериями – имя и глагол. В основу этой классификации положена аристотелевская характеристика: имя – без определения времени; глагол – с определением времени (Aristot. Poet. 1457a10,14; De interpret. 16a20, 16b6). Таким образом, в учении Варрона различаются следующие части речи: слова, имеющие падежи (*pars quae habet casus*); слова, имеющие времена (*pars quae habet tempora*); слова, не имеющие ни того, ни другого (*pars quae habet neutrum*); слова, имеющие и то, и другое (*pars in qua est utrumque*). Данная классификация становится определяющей для теории Варрона, что доказывается её неоднократным повторением в трактате (VI, 36; VIII, 44; IX, 31; X, 17).

Для проведения более тщательного деления и объяснения закономерности изменений слов Варрон из множества классификаций

привлекает ещё одну, которая, судя по вводной формулировке – *quidam vocant* (VIII, 44), принадлежит кому-то из его предшественников. В связи с тем, что авторство этой классификации не установлено, она может быть названа «анонимной»⁸. В ней выделяют следующие части речи: *pars appellandi* – часть наименования, *pars dicendi* – часть высказывания, *pars iungendi* – часть соединения, *pars adminiculandi* – часть поддерживания. При сопоставлении варроновской и «анонимной» классификаций видно, что они не идентичны, но определённого рода соответствия мы можем проследить. Так, в них полностью совпадают два первых пункта: *pars quae habet casus* соответствует *pars appellandi*, *pars quae habet tempora* – *pars dicendi*.

Часть речи, которая имеет падежи, объединяет у Варрона имена и местоимения. В ней Варрон, опираясь на «анонимную» классификацию, в которой эта часть речи называется *pars appellandi*, выделяет по признаку знаменательности – незнаменательности две составные части: первая – именования (*nominatus*), к которым он относит имена собственные (*nomina*) и имена нарицательные (*vocabula*); вторая – члены (*articuli*), к которым принадлежат местоимения: *provocabula* (относительные, вопросительные и неопределённые местоимения) и *pronomina* (личные и указательные местоимения). Данные составные части Варрон делит по степени определённости – неопределённости. В этом делении находят отражение математические методы, используемые Варроном. Проведя воображаемую ось симметрии, можно получить зеркальное отражение составных частей: крайние элементы – незнаменательные, срединные – знаменательные; крайние элементы – неопределённые и определённые (*provocabula infinita* – *pronomina finita*), срединные элементы – относительно неопределённые и относительно определённые (*vocabula ut infinita* – *nomina ut effinita*).

Часть речи, которая имеет времена, представлена глаголами. Анализ соответствующей ей в «анонимной» классификации *pars dicendi* затруднён из-

⁸ Каракулаков В.В. «Пергамская» и морфологическая классификация частей речи у Варрона // Вопросы русского и общего языкознания. Душанбинский государственный педагогический институт. Душанбе: Изд-во «ИРФОН», 1965. СС. 115-116.

за большой лакуны, охватывающей конец VIII и начало IX книг. Однако, руководствуясь косвенными указаниями, содержащимися в IX книге, можно предположить, что в описании *pars dicendi* содержались сведения о глаголе, натолкнувшие Варрона на мысль о разграничении инфектного и перфектного ряда. Элемент этого деления носит у него название *divisio* – «раздел» (IX, 95). Необходимость этого разграничения была вызвана потребностью доказать существование аналогии в сфере глагольного изменения. Главным аргументом аномалистов против аналогии служили различия в основах, от которых образованы временные формы. Так, они говорили, что существование форм *disco* ‘я учусь’ – *didici* ‘я научился’ (IX, 96) доказывает, что аналогии не существует. Варрон же ставил своей задачей объяснить, почему у слова меняется материя, и как в таких случаях может быть выведена аналогия. Для решения этой задачи была выделена оппозиция таких характеристик как незаконченность – законченность действия, выражаемых различными временными формами. Ж. Коллар⁹ указывает, что Варрон является первым римским грамматиком, обратившим внимание на эти характеристики. Действительно, Варрон, заявляя о наличии трёх времён – *praeteritum*, *praesens* и *futurum* (VIII, 20), неоднократно повторяет, что обязательно необходимо учитывать, идёт ли речь о вещах незаконченных (*in infectis rebus*) или законченных (*in perfectis rebus*) (IX, 32). Лишь в случае такого корректного сравнения аналогия будет очевидной. Причины же изменения материи слова кроются в кардинальном различии обозначаемых вещей. Варрон акцентирует внимание на том, что *res perfectae*, которые обозначаются перфектными формами, принципиально отличаются от *res infectae* или *res inchoatae*, которые выражаются инфектными формами. Следовательно, если различны обозначаемые вещи, то и формы, их обозначающие, должны отражать эти различия. Можно предположить, что, имея веские основания для разделения инфектных и перфектных форм, Варрон проводит своего рода параллель между

⁹ Collart J. L'œuvre grammaticale de Varron // Varron, grammaire antique et stylistique latine. Paris: «Belles lettres», 1978. P. 15.

неопределённостью имён нарицательных (*sint infinita ac res communis designent* – VIII, 80) и незаконченностью действия (*similitudines quibus utimur in infectis rebus* – IX, 32; *lego et legam rem inchoatam significare* – IX, 95), а также определённости имён собственных (*sunt finita ac significant res proprias* – VIII, 80) и законченностью действия (*similitudines quibus utimur in perfectis rebus* – IX, 32; *legi rem perfectam significare* – IX, 95). Такая параллель вполне возможна, так как незаконченное действие несёт в себе оттенок неопределённости (мы не знаем наверняка, завершится ли это действие). В то же время, законченность действия предполагает известную степень определённости (мы знаем, что это действие завершилось). Такое предположение оправдано и с формальной точки зрения. Зная, что Варрон строго следует принципам математической симметрии в изложении, можно допустить, что деление в системе глаголов вызвано стремлением соблюсти пропорциональное соответствие в классификации главных частей речи: имён и глаголов, что позволяет Варрону систематизировать отношения внутри каждой из них. Следует непременно оговорить, что в данном случае такой приём имеет под собой веские основания содержательного плана, и никоим образом не является чужеродным механическим перенесением реалий имён в сферу глагола.

Варроновская *pars in qua est utrumque*, состоящая из причастий (*participia*) не находит соответствия в «анонимной» классификации. А *pars iungendi* «анонимной» классификации, включающая союзы и предлоги, не входит в классификацию Варрона, так как слова такого типа он относит к *genus sterile* и исключает из своей классификации. Что касается *pars adminiculandi* «анонимной» классификации, то здесь картина не до конца ясна. Ряд исследователей усматривают в ней объединение всех типов наречий. Варрон же, анализируя *pars adminiculandi*, приводит в качестве примеров лишь производные наречия. Если рассматривать *pars adminiculandi* исходя из примеров Варрона, тогда можно провести параллель между данной частью речи и его *pars quae habet neutrum*. Если же признать, что в *pars adminiculandi* входили все типы наречий, тогда следует сказать, что данные части речи

совпадают лишь отчасти. К сожалению, более детальный анализ невозможен из-за недостатка сведений в трактате Варрона.

Презентация морфологических классификаций частей речи в трактате Варрона предваряется делением слов по синтаксическому принципу: «...существует две части речи, если только мы не будем, как Дион, разделять вещи, которые обозначаются словами, на три части: одна, которая выражает падежи, вторая, которая выражает времена, третья, у которой отсутствуют оба показателя. Об этом Аристотель говорит, что есть две части речи: имена и глаголы, как 'человек' и 'лошадь', и как 'читает' и 'бежит'. И у того, и у другого вида (и у имён, и у глаголов) есть первичные элементы, а есть последующие; первичные – это 'человек' и 'пишет', последующие – это 'учёный' и 'учёно': ведь говорят 'учёный человек' и 'учёно пишет'...» (*partes orationis sunt duae, <ni>si item ut Dion in tris dividerimus partes res quae verbis significantur: unam quae adsignificat casus, alteram quae tempora, tertia<m> quae neutrum. de his Aristoteles orationis duas partes esse dicit: vocabula et verba, ut homo et equus, et legit et currit. utriusque generis, et vocabuli et verbi, quaedam priora, quaedam posteriora; priora ut homo, scribit, posteriora ut doctus et docte: dicitur enim homo doctus et scribit docte*) (VIII, 11-12).

Эта классификация важна для Варрона тем, что помогает аргументировать то пристальное внимание, которое уделяется имени и глаголу. Благодаря данной классификации он имеет возможность показать, что именно эти части речи являются определяющими структуру высказывания, а остальные части речи зависимы и производны от них, поэтому их тип изменений вторичен и представляет собой вариации изменений имён и глаголов. Привлечение дионовой трёхчленной классификации частей речи, которая помимо имени и глагола содержит наречие, вызвано, возможно, желанием Варрона проиллюстрировать необходимость рассматривать наречие как отдельную часть речи. Эта необходимость обусловлена тем, что наречие, невзирая на свою отнесённость к глаголу, имеет совершенно не схожую с глагольной структурой изменений (образование степеней сравнения).

ГЛАВА 5. Учение об изменении слов

В данной главе анализируется варроновское учение об изменении слов. Она состоит из четырёх параграфов. *Первый параграф* посвящён интерпретации основополагающего понятия доктрины Варрона – *ratio*. *Во втором параграфе* изучается процесс изменения слов – *declinatio*. *В третьем параграфе* рассматриваются устойчивые структурные модели изменений слов (*formula*) согласно их акциденциям, а также проводится краткий обзор грамматических терминов, выражающих акциденции слова. *Четвёртый параграф* содержит выводы.

Будучи сторонником теории природного происхождения языка, Варрон, демонстрирует подтверждение этой теории в параллелях между явлениями и процессами, происходящими в природе, и явлениями и процессами, происходящими в языке. Такого рода иллюстративные примеры сопровождают всё повествование Варрона.

Движущим и организующим началом мироздания является логос, который придаёт вселенной упорядоченность, целесообразность и гармонию. Так как логос наполняет собой все вещи, придавая им форму и смысл, присутствует он и в языке, как в части природы. Претворение вселенского логоса в языке Варрон определяет термином *ratio* – универсальный закон языка. Данный закон регулирует все этапы развития и функционирования языка, организуя его в виде системы норм и правил, служащей для выражения мысли. Понятие, выражаемое термином *ratio*, является базовым в учении Варрона. Оно определяет содержание и структуру варроновского трактата.

Природное предназначение речи заключается в способности выражать мысль. В силу этого, речь состоит из трёх последовательных этапов. Сначала необходимо установить имена для вещей, чтобы выразить понятия ими обозначаемые, – этимология. Затем, так как вещи взаимодействуют друг с другом, необходимо, чтобы их названия были способны отразить это взаимодействие, т.е. данные имена должны иметь способность изменяться, отражая изменения, которые происходят с вещами, – морфология. Наконец, все

имена (установленные и изменённые) связываются друг с другом по определённым правилам для построения высказывания, отражающего мысль, – синтаксис. Каждый из этих этапов существует и управляется согласно *ratio*.

Процесс изменения слов Варрон определяет термином *declinatio*. Появление в языке данного процесса Варрон объясняет необходимостью и пользой. По его мнению, *declinatio* позволяет людям овладеть бесчисленным количеством слов. Достаточно заучить небольшое число первичных слов (*verba principia* или *primigenia*) и, зная закономерности *declinatio*, от них можно образовать множество иных слов.

Варрон говорит о наличии двух способов изменения слов: словообразование и словоизменение, первый – словно источник, второй – словно поток (VIII, 5). При этом он, хорошо осознавая различие механизмов названных изменений, проводит внутри *declinatio* деление на два вида: произвольное (*declinatio voluntaria*) и природное (*declinatio naturalis*).

Произвольное изменение по своей сути очень близко к процессу установления имён. В некоторых моментах Варрон употребляет термины *declinatio voluntaria* и *impositio* как синонимы. Подобная близость данных понятий объясняется тем, что процесс словообразования направлен на установление имени для некой новой вещи. Однако Варрон не выносит словообразование за рамки *declinatio* в связи с тем, что полученное в процессе словообразования новое слово является результатом изменения иного слова, исходного по отношению к вновь образованному. Процесс *impositio* в чистом виде относится, строго говоря, лишь к первичным словам языка, остальные же слова были образованы путём изменения этих первичных слов. Произвольное изменение обладает относительной свободой: каждый человек устанавливает имена, руководствуясь своим желанием, чем и обусловлено его название *voluntaria*. В данном виде изменений преобладает аномалия, потому что зачастую в процессе словообразования получается форма, отличная от ожидаемой, например: от *Romulus* мы получаем *Roma* вместо предполагаемого *Romula* (VIII, 80; IX, 50). *Declinatio voluntaria* предполагает анализ

исторических процессов языка (*historia*). При этом нельзя сказать, что словообразование лишено какой бы то ни было закономерности и что воля устанавливающего имя ничем не ограничена. Регулирующим фактором в словообразовании выступает *ratio*, которая предоставляет многочисленные и разнообразные словообразовательные модели. Воля говорящего проявляется лишь в выборе из многообразия этих моделей одной, на его взгляд, наиболее соответствующей сути обозначаемой вещи. Такое положение вещей позволяет всем участникам речевой деятельности соотносить новое слово с определённым морфологическим типом, чтобы иметь возможность его изменять. Таким образом, в произвольном изменении нельзя отрицать наличие аналогии.

Природное изменение обладает строгими правилами, согласно которым происходит словоизменение. Эти правила заложены в языке природой, что объясняет его название *naturalis*. Данное положение вещей предоставляет возможность каждому безошибочно изменять любое вновь услышанное слово так, чтобы это было понятно всем остальным. В этом виде изменений, характеризуемом с позиций теории (*ars*), господствует аналогия. Невзирая на это, в природном изменении можно встретить формы, которые представляют собой отклонение от принятых правил словоизменения. Поэтому можно говорить о присутствии аномалии и в этой сфере *declinatio*. Аномальные формы должны быть рассматриваемы с позиций исторического анализа (*historia*). Их существование оправдано наличием *ratio* языка, которая в таких случаях утверждает приоритет законов речевой деятельности над законами словоизменения. Варрон подчёркивает, что подобные ситуации довольно редки, в остальных же случаях неправильные формы, которые не отменяют *ratio* языка, а лишь обнаруживают невежество говорящего, должны заменяться формами, образованными по аналогии.

Итак, Варрон подчёркивает, что в языке ни аналогия, ни аномалия не существуют в чистом виде, они присутствуют в обоих видах изменений слов, которые, будучи тесно связаны между собой, взаимодействуют и дополняют друг друга так же, как это происходит во всех явлениях природы.

Для демонстрации подобной взаимосвязи Варрон выбирает весьма наглядную и убедительную форму: он использует математические методы в описании языка. Произвольное и природное изменения слов связаны между собой как оси координат. Словообразование он называет прямыми рядами изменений, это – горизонтальная ось. Словоизменение у него предстаёт как вертикальная ось, называемая поперечными рядами. Оба вида рядов служат отражением двух взаимообусловленных универсальных языковых законов (по определению Варрона: переплетённые законы – *implicatae rationes*).

Для описания закономерностей изменений слов Варрон разрабатывает устойчивые структурные модели, которые он называет математическим термином формула (*formula*). В связи с тем, что не все слова обладают одинаковыми морфологическими характеристиками, Варрон приходит к выводу, что должны существовать различные формулы, которые соответствовали бы акциденциям слова. Именно для этой цели Варрон разрабатывает свою классификацию частей речи.

Часть речи, которая имеет падежи, обладает тремя характеристиками:

- 1) род – мужской (*genus virile*), женский (*genus muliebre*), средний (*genus neutrum*);
- 2) число – единичность (*singulare*), множественность (*multitudo*);
- 3) падеж – прямой (*rectus casus / casus nominandi / nominativus*) и косвенные (*casus patricus; casus dandi / dativus; casus accusandi / accusativus; casus vocandi / vocativus; sextus casus, qui est proprius Latinus*).

Число в римской грамматике в эпоху Варрона ещё не оформилось как грамматическая категория в современном понимании. Варрон трактует число преимущественно с семантических позиций как отдельный вид слова, так как множественность выражает иную суть вещи по сравнению с единичностью. Исходя из этого, Варрон разрабатывает шестичленную формулу изменений для слов, имеющих падежи: в прямых рядах – шесть пунктов: три рода единичности и три рода множественности: *directi ordines – singulare: virile, muliebre, neutrum / multitudo: virile, muliebre, neutrum*; в поперечных – шесть

падежей: *transversi ordines* – casus nominandi, particus, dandi, accusandi, vocandi, sextus. При этом в прямых рядах существуют следующие разновидности (*genera*): наименование (*nominandi*); увеличение (*augendi*) – степени сравнения; уменьшение (*minuendi*) – слова с уменьшительным значением.

Иным образом выглядит формула для части речи, которая имеет времена, потому что её акциденции отличны от части речи, имеющей падежи. Варрон выделяет четыре характеристики глаголов: времена (*tempora*), лица (*personae*), залого (*genera*), разделы (*divisiones*). Варрон настаивает, что формы, выражающие незаконченность, должны быть отделены от форм, выражающих законченность действия, так как они отображают принципиально отличающиеся сути вещей. Такое же понимание кардинального различия Варрон демонстрирует и в сфере залога. С его точки зрения, при переходе глагола из активного залога (*faciendi*) в пассивный (*patiendi*) меняется не только грамматическая форма, но и смысл обозначаемого явления. О категории числа, которая является общей у глаголов и имён, упоминалось ранее. Ещё один показатель противопоставления (однократность (*semel*) – многократность (*saepius*) действия), выделенный Варроном, сложно проанализировать, поскольку в сохранившейся части трактата он встречается только один раз (X, 32). Вполне вероятно, что Варрон подробно рассматривал этот показатель, но в той части текста, где содержатся сведения о глаголе, мы наблюдаем значительную лагуну. Кроме названных четырёх пар противопоставлений (*copulae divisionum quadrinae*) Варрон выделяет четыре вида глагола (*species*): вид вопроса (*rogandi*), вид ответа (*respondendi*), вид пожелания (*optandi*), вид приказания (*imperandi*).

Все названные параметры (*infecta – perfecta; faciendi – patiendi; semel – saepius; singulare – multitudo*; а также *species: rogandi, respondendi, optandi, imperandi*) относятся к прямым рядам изменений. В поперечных рядах мы имеем дело с изменениями по временам (*species temporalis*) и лицам (*species personarum*). На основании этого Варрон разрабатывает девятичленную

формулу глаголов, например: *infecta faciendi singulare* имеет три лица *praeteriti*, три лица *praesentis* и три лица *futuri* и т.д.

Остальные части речи из классификации Варрона используют предлагаемые формулы изменений. Часть речи, не имеющая ни того, ни другого, состоит из производных наречий. Такие наречия имеют именное происхождение, следовательно, их изменения осуществляются по формуле части речи, которая имеет падежи: *genus augendi* – образование степеней сравнения. Часть речи, имеющая и то, и другое (причастия – *participia*), естественным образом осуществляет свои изменения по обоим формулам, образуя те формы, которые присущи ей от природы.

Именно природой обозначаемой вещи и её употреблением Варрон объясняет отсутствие той или иной формы слова в предложенных им формулах. Он считает необоснованными упреки аномалистов в том, что у одного слова существуют все элементы формулы, а у другого ряд элементов отсутствует. Варрон пишет, что нельзя требовать от слова образования тех форм, которые противоречат либо самой сущности обозначаемой вещи, либо способам функционирования данной вещи в повседневной жизни в том виде, который отображался бы искомой формой слова.

ГЛАВА 6. Структура трактата «De Lingua Latina».

В данной главе предпринимается попытка реконструкции структуры трактата. Глава состоит из трёх параграфов. *Первый параграф* посвящён проблеме состояния текста. *Во втором параграфе* предметом анализа является принцип построения трактата. Данный параграф состоит из четырёх пунктов. *В первом пункте* рассматриваются факторы, повлиявшие на структуру трактата. *Во втором пункте* проводится сравнительный анализ структур двух варроновских произведений «De Lingua Latina» и «Antiquitates rerum humanarum». *Третий пункт* посвящён проблеме спора аналогия – аномалия. *В четвёртом пункте* сравниваются структуры варроновского трактата «De Lingua Latina» и платоновского диалога «Кратил». *Третий параграф* содержит выводы.

Сложившееся в науке мнение, согласно которому трактат «De Lingua Latina» либо не был закончен, либо был издан в неотредактированном виде, представляется не вполне обоснованным. Свидетельства античных и средневековых авторов служат основанием для гипотезы, объясняющей, почему текст, которым мы располагаем, находится в столь неудовлетворительном состоянии. Неясные места и лакуны в тексте могут быть обусловлены тем, что окончательный, отредактированный вариант сочинения был утрачен в ходе исторических событий. Сохранившийся же текст представляет собой либо сильно испорченную рукопись, либо черновик, некий рабочий материал данного сочинения, но ни в коем случае не является свидетельством небрежного отношения Варрона к своему труду.

Многогранное и логично выстроенное учение требовало от Варрона соответствующей формы изложения материала. Вывод о существовании универсального закона языка (*ratio*) побуждает Варрона выбрать такую форму повествования, которая, подтверждая наличие аналогии, отображала бы системность и закономерность языковых явлений. Для этих целей как нельзя лучше подходит схема, по своим внутренним связям напоминающая математическую пропорцию. Помимо этого, последовательная и чётко структурированная подача материала способствует лёгкому усвоению и запоминанию предлагаемой теории.

Реконструировать общий план трактата помогают обращения Варрона к читателю, а также косвенные свидетельства античных и средневековых авторов. Известно, что первая книга – введение – содержала обоснование целей и задач исследования, а также посвящение Цицерону. Сохранившиеся книги посвящены этимологии (V-VII) и морфологии (VIII-X). Структура дошедшей до нас части трактата позволяет предполагать, что трактат делился на три раздела по числу составных частей речи, выделенных Варроном: 1) как были установлены имена, 2) как эти имена изменяются, 3) как они, связанные между собой универсальным законом языка, выражают мысль (VII, 110; VIII, 1). Следовательно, первый раздел посвящён этимологии, второй – морфологии,

третий – синтаксису. Каждый раздел содержит по две части: теоретическую и практическую. В свою очередь каждая часть состоит из трёх книг. Из сохранившихся книг трактата мы располагаем практической частью этимологии (V–VII книги), морфологический раздел представлен теоретической частью (VIII–X книги). Из синтаксического раздела не сохранилась ни одна книга, однако существуют косвенные свидетельства о содержании данного раздела. Принимая в расчёт числовую регулярность, демонстрируемую в сохранившихся разделах трактата, синтаксису должны были быть посвящены 6 книг: с XIV по XVI книгу – теоретическая часть, с XVII по XIX – практическая часть. Наибольший интерес вызывает содержание последних шести книг. Среди многочисленных версий, высказываемых современными исследователями, нам ближе всего одна версия, согласно которой эти книги являются обобщением и дополнением: по две книги к каждой части трактата. Эта гипотеза полностью учитывает логику построения известной нам части трактата, поэтому выглядит убедительной.

Метод математической пропорции применялся Варроном не только в «*De Lingua Latina*». В связи с этим обстоятельством представляется целесообразным сопоставить структуру этого варроновского трактата с другим, более ранним его произведением «*Antiquitates rerum humanarum*», структура которого также основана на математическом принципе построения.

Важным элементом морфологического раздела трактата является так называемый спор аналогистов и аномалистов. Современные исследователи расходятся во мнениях, существовал ли этот спор в реальности, признавая, однако, что теоретические расхождения у представителей обоих направлений всё же были. Очевидно, что между взглядами александрийских учёных (аналогия) и представителей стонко-пергамской школы (аномалия) существовали принципиальные различия, что давало им повод для полемики. Вопрос, насколько острой была эта полемика, остаётся открытым, однако нельзя отрицать, что для выбранной Варроном формы изложения были объективные предпосылки. Описывая и анализируя положения этих двух

теорий, Варрон выстраивает повествование таким образом, что перед читателем предстаёт схема «тезис – антитезис – синтез» среднеплатонических произведений, которую Варрон мог заимствовать у своего учителя Антиоха Аскалонского. Эта схема тесно связана с традиционным для античности принципом *disputare in utramque partem*. Подобная форма изложения полностью соответствует задачам Варрона, потому что является удобной, наглядной и убедительной. По принципу *disputare in utramque partem* построен и диалог Платона «Кратил», который является одной из первых античных работ, рассматривающих проблемы языкового развития. Этот платоновский диалог оказал большое влияние на последующие лингвистические изыскания, в том числе и на исследование Варрона¹⁰. В результате сравнительного анализа этих двух произведений обнаруживается много общих черт не только формального, но и содержательного уровня. Таким образом, можно сказать, что спор аналогия – аномалия как форма повествования выбрана Варроном не случайно, она представляет собой важный структуро- и смыслообразующим элемент его лингвистической теории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В Заключении излагаются результаты данного исследования и формулируются окончательные выводы.

Труд Варрона представляет собой важный этап в развитии античного языкознания. В его трактате представлена целостная всесторонняя концепция развития и функционирования латинского языка. Эта концепция оказала значительное влияние на последующую грамматическую традицию, о чём свидетельствует убедительная статистика цитирования Варрона последователями¹¹. Ряд научных положений, сформулированных Варроном, остаются актуальными и для современных лингвистических исследований. В теории Варрона можно обнаружить понимание различий между понятиями «язык» и «речь», окончательное оформление которых произошло в рамках

¹⁰ Michel A. Le philosophe et l'antiquaire: à propos de l'influence de Varron sur la tradition grammaticale // Varron, grammaire antique et stylistique latine. Paris: «Belles lettres», 1978. P. 163.

¹¹ Collart J. L'œuvre grammaticale de Varron // Varron, grammaire antique et stylistique latine. Paris: «Belles lettres», 1978. P. 3.

современной лингвистики. Интерпретация понятия «слово» во многом совпадает с современной трактовкой. Варрон рассматривает его как минимальную неделимую смысловую единицу языка в совокупности семантического, морфологического и фонетического аспектов. Для определения функции слова в том или ином случае Варрон использует три термина: *vocabulum* – семантический аспект, *verbum* – морфологический, *vox* – фонетический. Процесс изменения слов (*declinatio*) играет огромную роль в функционировании языка. Во-первых, из небольшого числа первичных слов, которые подлежат заучиванию, можно образовать бесчисленное количество слов для отображения в речи разных вещей и явлений. Во-вторых, путём изменения данных слов можно выразить связи этих вещей и явлений между собой. Изменения слов происходят посредством взаимодействия двух первоначал слова: материи (*materia*) и формы (*figura*). Чтобы изменения слов были понятными для всех говорящих на данном языке необходимо, чтобы они происходили не стихийно, а подчинялись определённым закономерностям. Язык развивается и функционирует согласно своему универсальному закону (*ratio*), который заложен в нём природой. *Ratio* как часть мирового логоса, претворяющегося в языке, формирует его в стройную систему и руководит всеми происходящими в нём процессами. Благодаря *ratio* изменения слов осуществляются по заданным природой правилам. Этот факт позволяет выявить структурные модели изменений слов (*formulae*), которые позволяют каждому человеку образовывать формы слов так, чтобы его понимали остальные участники речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА. Литература содержит перечень изданий текстов, словарей, переводов и научных работ по исследуемой проблематике.

ПРИЛОЖЕНИЯ. В приложениях (№№ 1–13) содержатся схемы и таблицы, разработанные в ходе работы, которые служат иллюстрацией выводов по каждому этапу исследования.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ диссертации отражены в статьях:

а) опубликованных в ведущих научных изданиях, рецензируемых ВАК РФ:

1. Понятия «язык» и «речь» в трактате Марка Теренция Варрона «De Lingua Latina» // Сборник «Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV» (чтения памяти И.М. Тронского). СПб.: Наука, 2011. СС. 147-158.
2. Классификация частей речи в лингвистической доктрине Марка Теренция Варрона // Сборник «Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVI» (чтения памяти И.М. Тронского). СПб.: Наука, 2012. СС. 201-222.

б) опубликованных в других изданиях:

3. Термин «ratio» в лингвистической теории Марка Теренция Варрона (на материале трактата «De Lingua Latina») // Сборник «Discipuli magistro». К 80-летию Н.А. Федорова. Classica et orientalia. Выпуск XV. М.: Изд. РГГУ. 2008. СС. 150-161.